

© 2017 г.

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН
(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

ОБЪЕКТИВНЫЙ РЫНОК И СУБЪЕКТИВНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

В статье рассматривается соотношение между объективными и субъективными факторами функционирования рынка, между рыночным механизмом и его сознательными субъектами. Критикуется односторонний методологический индивидуализм и выдвигается иной принцип – методологический дуализм. Исследуется двойственная природа человека и ее воздействие на общественную жизнь.

Ключевые слова: объективные и субъективные факторы, рыночный механизм и его сознательные субъекты, методологический дуализм, двойственная природа человека и общества, российская специфика.

Механизм рынка и его субъекты. Теоретики рыночной экономики от классиков до современных ученых рассматривают рынок преимущественно как объективный механизм, действующий по присущим ему законам, требования которых вынуждены выполнять все его участники – торговцы, производители и потребители товаров и услуг. Такое подчиненное положение рыночных субъектов хорошо отражает известная метафора Адама Смита о «невидимой руке», устанавливающей на рынке должный порядок.

Но в то же время никто не может отрицать, что люди вступают в товарно-денежные отношения как наделенные разумом и волей самостоятельные субъекты, результаты активности которых лишь приводятся к общему знаменателю независимыми от них требованиями рынка. Однако случилось так, что с самого возникновения экономической теории в центре внимания исследователей оказались не действия людей, а автоматический механизм рынка, якобы полностью подчиняющий себе активность человека и не дающий ему выходить за установленные «невидимой рукой» рамки. Сама же активность людей почему-то сводилась чаще всего к свободному проявлению их индивидуальных потребительских предпочтений, которые воздействуют на рыночный спрос, а через него на количественные и качественные параметры производства. Инициативная роль производителей и торговцев, их предпринимательские способности отходили на второй план по сравнению с механизмом, устанавливавшим соотношение между спросом и предложением товаров.

Такой подход позволяет объяснить, как функционирует система ценообразования, которая якобы зависит не от действий живых людей, а всего лишь от математических пропорций, устанавливающихся между вещами

на рынке. Производитель этих вещей только учитывает изменения, которые претерпевает соотношение между их спросом и предложением, и лишь откликается на них, корректируя объемы их выпуска.

На самом же деле все происходит в обратном порядке: производители и любые другие бизнесмены инициативно задумывают и реализуют свои хозяйственные проекты, а рынок лишь тестирует их на результативность и выносит свой окончательный вердикт. Следовательно, первичными являются действия хозяйственных субъектов, которые затем оцениваются рынком. Рыночный механизм призван устанавливать определенный порядок, соответствующий неким общим критериям, но делает это пост-фактум с учетом предварительных действий всех участников рынка.

Иными словами, действующими лицами в экономике являются люди, какие бы роли они ни исполняли (бизнесменов, наемных работников, людей свободных профессий, производителей, потребителей, обслуживающего персонала и т.д.). Рынок, как и любые другие общественные механизмы, объективные или рукотворные, помогает людям играть свои роли, организуя должным образом их деятельность в тех или иных исторических условиях.

Классики экономической теории обратили свое преимущественное внимание на эти механизмы потому, что им было важно показать, что короли и принцы, феодалы и капиталисты, а тем более ремесленники и торговцы не всесильны и не могут творить, что угодно. В своей индивидуальной, рациональной и волевой, а поэтому самостоятельной деятельности они тем не менее вынуждены подчиняться общим правилам, установленным ими самими или объективно существующим. Невозможно заниматься общим делом, а именно продавать и покупать товары, предварительно не договорившись об исходных условиях торговли, о способах осуществления торговых сделок, о взаимных правах и обязанностях по отношению друг к другу. Но одновременно приходится учитывать независящие от конкретных людей обстоятельства. Свои необузданные стремления люди вынуждены либо заранее соотносить с объективной реальностью, либо в итоге терпеть убытки. Самое очевидное объективное требование любой торговли состоит в том, что в конечном счете нельзя продать больше того, что реально произведено, и устанавливать цены, не покрывающие издержки производства (это можно делать только временно и с серьезным риском).

Человечество давно живет в рыночной экономике и настолько свыклось с этим, что воспринимает этот порядок вещей незыблемым и «даным свыше». А ведь на самом деле рынок является творением самого человека, и исторически он, как и все на свете, имеет свое начало и неизбежный конец. Он представляет собой способ организации хозяйственной деятельности на определенном этапе цивилизационного развития. Как известно, в первобытной общине его не было, как и не нужен он в любом

натуральном хозяйстве, где продукты производятся не на продажу, а только для себя. Возник рынок на постоянной основе лишь с началом всеобщего разделения труда, когда производимые продукты стали товарами, предназначенными не для собственного потребления, а на продажу ради обмена на другие блага, необходимые для жизни, но создаваемые другими товаропроизводителями. Разделение труда, намного повышающее его производительность, потребовало создания системы товарообмена, какой и стал рынок, обеспечивающий оборот товаров на возмездной основе с соблюдением интересов как продавцов, так и покупателей. Изначальной задачей рынка как раз и стало поддержание баланса интересов всех участников торговли независимо от их персональных устремлений.

Эту свою задачу рынок выполняет не шаблонно, по навсегда заданной схеме, а с учетом творчества действующих на нем субъектов, как бы приводя их индивидуальные показатели к общему знаменателю. То есть активную роль играют именно участники рыночных отношений, а рынок лишь учитывает воздействие каждого на средние показатели. Любой продавец и покупатель товара в той или иной мере влияет на соотношение между спросом и предложением и на складывающуюся в конечном счете цену. Если участники рынка ничего не меняют в своем поведении, то и цены остаются стабильными. А если цены меняются, то это значит, что субъекты рынка повели себя по-иному. Следовательно, рынок представляет собой неумолимый, бездушный механизм, навязывающий свои правила всем участникам, но последние своими волевыми действиями влияют на результаты соблюдения этих правил, то есть на то, кто оказывается в выигрыше или проигрыше от их применения.

Подчеркивание активной роли субъектов рынка меняет общепринятое представление о рыночном механизме как о всеильном, самодостаточном внешнем регуляторе, противостоящем живым участникам и безразличном к их воле. На самом деле именно воля, верный расчет и интуиция отдельных товаропроизводителей, часто идущих вопреки требованиям рутинных правил, позволяет им реализовать свои смелые проекты и тем самым влиять на соотношение сил и складывающуюся ситуацию на рынке. Это означает, что удачливый предприниматель не всегда руководствуется сиюминутной рыночной выгодой, а способен увидеть лучшую перспективу для своего бизнеса и просчитать его долгосрочный результат. По большому счету, любая предпринимательская инициатива противоречит краткосрочной рыночной логике и выходит за рамки рутинного рыночного поведения.

Рынок, как известно, ориентирует на увеличение производства товаров высокого спроса. В ответ на поступающий рыночный сигнал все производители товаров с неудовлетворенным спросом наращивают выпуск продукции и вскоре наталкиваются на невозможность реализовать ее дополнительные объемы. Выигрывает же тот предприниматель, который раньше других сумел воспользоваться благоприятной конъюнктурой, а потом вовремя

переключился на выпуск другой продукции. И он действовал фактически не только по велению рынка, но и по собственному разумению и опыту, предугадав дальнейший ход событий и взяв на себя предпринимательский риск. Таким образом, текущие сигналы рынка недостаточны для успешного хозяйствования, которое строится на учете всей совокупности доступных для анализа факторов. И совсем не рынок определяет, чем займется инициативный предприниматель – расширением собственного производства или новым венчурным бизнесом. Решающими оказываются склонности самого человека и учет им многих обстоятельств нерыночного характера (семейных ценностей и привычек, индивидуальных и общественных предпочтений, государственных льгот и стимулов и многого другого). Словом, в рыночной экономике, как и в любой другой, решающую роль играет креативная личность, а рынок служит объективной средой и одним из инструментов, используемых для осуществления хозяйственной деятельности. Понять подлинную роль человека и других субъективных факторов в экономике можно только отказавшись от фетишизации рынка.

О методологическом дуализме. Необходимо также развенчать еще один миф, на котором зиждется любая рыночная теория, а именно якобы неоспоримый постулат о методологическом индивидуализме. Согласно этому принципу, субъекты рынка преследуют исключительно свою частную выгоду и ведут себя как эгоистичные индивидуалисты. Но известно также, что они в то же время подчиняются определенным правилам цивилизованной торговли, без которых этот вид деятельности был бы невозможен. Что заставляет их смирять чрезмерно эгоистические наклонности и приносить их в жертву общим интересам, вытекающим из желания получить выгоду от совместной деятельности на рынке? Не означает ли это, что человек как общественное животное обладает помимо несомненного врожденного индивидуализма еще и способностью жить в социуме и проявлять коллективистские наклонности?

В последние годы постулат о методологическом индивидуализме все чаще подвергается критике за то, что он не объясняет реальную картину современной экономической жизни, в которой все большее значение приобретают социальные аспекты, связанные прежде всего с повседневной деятельностью государства. Очевидное и повсеместное присутствие общественных интересов явно противоречит этому постулату и требует ответа на вопрос, как они могли появиться и утвердиться в среде одних только индивидуалистов¹.

Первичный источник общественных интересов может быть выявлен только при условии признания, что человеческая личность представляет собой не одномерного индивидуалиста, а имеет двойственную природу, отражающую сосуществование в ней двух начал – индивидуализма и коллективизма.

¹ Общественные науки и современность. 2015. № 3, 4, 8; 2016. № 1.

Понятно, почему экономическая теория с самого своего возникновения исходила из методологического постулирования индивидуализма как сущностной характеристики человеческой личности, определяющей ее поведение прежде всего в сфере хозяйственной деятельности. Это соответствовало эпохе становления и утверждения рынка свободной конкуренции, когда торжествовал рациональный эгоизм товаропроизводителей и потребителей, не приводивший к серьезным сбоям в общем экономическом развитии. Однако по мере выявления и усиления недостатков свободного рынка, для устранения и предупреждения которых потребовалось вмешательство государства, принцип эгоистического индивидуализма начал терять свою первоначальную универсальность. Наряду с индивидуальными интересами все большее значение стали приобретать интересы всего общества, существование которых экономическая наука была уже не в состоянии игнорировать. Спор шел лишь о том, что собой представляют эти общественные интересы, как они возникают и как соотносятся с исходными индивидуальными устремлениями и предпочтениями.

Наличие общественной стороны человеческой сущности, наряду с индивидуальной, доказывается всем ходом истории, самим фактом объединения людей в разные социумы, их длительного существования и поступательной эволюции. Но утверждается коллективистское начало в отличие от инстинктивного индивидуализма, данного от рождения, только в процессе пребывания человека в обществе.

Сколь бы эгоистичным ни был конкретный человек, он с самого своего рождения соглашается с некоторыми правилами поведения, принятыми в его семье или более широком социуме. Так начинают складываться помимо врожденного эгоизма зачатки коллективизма, необходимого для жизни в обществе. Вне общества люди не могут сохранять свою человеческую сущность.

Два начала человеческой личности — индивидуализм и коллективизм — порождают у нее как индивидуальные, так и общественные интересы. Они генерируются самой природой человека как общественного животного, осознаются отдельными личностями по-разному и сосуществуют в людях в разной пропорции в зависимости от присущих им склонностей.

Индивидуальный интерес — это стремление каждого человека к получению только для себя максимума пользы и к недопущению грозящего ему вреда. Полезно для нормального человека все то, что содействует его продолжительной и высококачественной жизни, а вредно то, что этому мешает. Индивидуальный экономический интерес состоит в обеспечении человеком необходимых условий для его жизни с помощью, чаще всего, собственного труда. Частные интересы индивидов реализуются в процессе их свободных взаимоотношений на конкурентной основе. В экономической сфере это происходит в основном посредством рынка, где осуществляется эквивалентный обмен индивидуальными благами (стоимостями).

Общественный интерес любого человека состоит в стремлении извлекать пользу от пребывания в том или ином социуме, одновременно используя те возможности предотвращения вреда со стороны этого социума или отдельных его членов, которые предоставляет ему сам социум. Экономический общественный интерес требует от каждого человека сознательного участия в организации хозяйственной жизни, обеспечивающей наибольшую коллективную выгоду.

Индивидуальные и общественные интересы уживаются в каждом отдельном человеке, они противостоят и определенным образом сочетаются, причем временами они могут даже полностью подавлять одни других. Но они тем не менее реально сосуществуют в диалектическом единстве и выражаются в конкретных поступках и общем поведении любого индивида. Само существование помимо законченных эгоистов еще и альтруистов свидетельствует о наличии у последних ярко выраженных социальных интересов, которые часто преобладают и определяют личностный тип. Этот интерес заставляет таких людей задумываться об общем благе, об улучшении жизни других людей и всего социума, совершать неэгоистичные поступки и даже посвящать всю свою жизнь служению общему делу.

При организации жизни в любом социуме складываются правила общежития, которые не навязываются извне, а являются выражением коллективистского начала в людях. Они сами так хотят жить, хотя некоторых из них, в ком преобладает эгоизм, приходится всем миром принуждать к соблюдению установленных правил. Стремление к общему благу есть у каждого индивида, хотя проявляется оно по-разному. У людей, оказавшихся в коллективе, начинает просыпаться или укрепляться их коллективистское начало, хотя до этого оно могло спать крепким сном.

Если бы люди сами не организовывали совместную жизнь, то она в принципе была бы невозможной. Но если она реально существует, то значит, что дух коллективизма присутствует у большинства индивидов, заражающих им других или по крайней мере заставляющих их ограничивать свой эгоизм. Правда, не исключается и другой вариант, когда может возобладать всеобщий эгоизм, и тогда социум деградирует и даже распадается.

Поскольку общественный (коллективистский) интерес присутствует в каждом человеке, то и у социума как сообщества отдельных личностей появляются, осознаются и реализуются его собственные интересы. Являясь в принципе продолжением общественных интересов индивидов (иначе они просто не могли бы возникнуть на пустом месте), эти интересы формулируются уже самим социумом и начинают свою самостоятельную жизнь, вступая нередко в противоречие с индивидуальными интересами составляющих его людей. Такое отчуждение общественных интересов от отдельной личности неизбежно в условиях ее нахождения в социуме. Многие из них личность

просто не может реализовать самостоятельно и вынуждена делегировать их обеспечение общественным структурам. При этом могут сильно различаться способы такого делегирования, степень демократичности применяемых процедур, точность осознания общественной пользы, эффективность выполнения уполномоченными органами задачи защиты общих интересов.

Общественные блага, предназначенные для всеобщего и в основном бесплатного потребления, производятся и используются иначе, чем частные и публичные блага, затраты на которые частично или полностью возмещаются пользователями. Рыночные закономерности здесь действуют в определенных пределах, например, требуя соответствия издержек производства потребительным свойствам конкретных благ, что важно для экономии бюджетных средств. Аллокация же инвестиций по объектам и сферам осуществляется волевым решением властей в зависимости от оценочных потребностей общества в тех или иных публичных благах.

Государство является и инвестором, и заказчиком, и поставщиком общественного блага, которое потребляется гражданами в добровольном или принудительном порядке. Бесплатное благо не может считаться товаром, который, как известно, производится не для себя, а на продажу. Товарные категории к бесплатным публичным благам не подходят, так как государство по существу ведет натуральное хозяйство, то есть само определяет потребность в конкретном благе, затраты на его производство и условия его предоставления гражданам. То, что благо потребляется не самим государством, а его гражданами, не делает его товаром, подобно тому как продукция натурального крестьянского хозяйства, потребляемая членами семьи, не становится товаром, если она не продается на рынке. Государство тем не менее широко использует рыночные отношения при взаимодействии с частным сектором и в рамках государственно-частного партнерства.

В принципе государство не получает плату за свои услуги, как это происходит при эквивалентном обмене, а главное — оно не извлекает прибыли от своей деятельности, к чему стремится любая коммерческая фирма. Оно создает и предоставляет общественные блага в интересах всего общества и каждого гражданина в отдельности. Налоговые платежи за предоставляемые блага не индивидуализированы в зависимости от фактического использования блага, то есть нет прямой количественной связи между величиной уплаченного налога и размером потребленных каждым индивидом общественных благ. У людей с разным достатком эти вклады могут быть разными, но они имеют право пользоваться общественными благами зачастую в равной мере или не пользоваться ими вообще. Следовательно, между государством и его гражданами не возникают отношения купли-продажи бесплатного общественного блага или его части.

Средства бюджета перераспределяются государством без учета мнений каждого отдельного гражданина, опираясь лишь на сигналы от общества, поступающие в агрегированном виде, причем окончательное решение

всегда остается за властями. Граждане все вместе и каждый в отдельности лишь косвенно могут влиять на это решение через всеобщие выборы и референдумы с помощью демократических процедур и законодательных актов. Если же все общественные блага условно посчитать одним товаром, создаваемым государством и продаваемым обществу, а совокупные налоговые поступления в бюджет – платой за них или их ценой, то такого рода эквивалентный обмен действительно имеет место, но совершается он не на свободном конкурентном рынке, а в форме общественного договора помимо обычных рыночных отношений¹.

Итак, проявляемая в реальной действительности двойственная природа человека отвергает одностороннее представление о нем как об исключительно эгоистичной личности. Осознание этого факта требует новой аксиоматики, которая исходит из подлинной природы человека, являющегося не просто рациональным индивидуалистом, но еще и непререкаемым членом разных коллективов и человеческого общества в целом. Подход к изучению и объяснению жизнедеятельности людей в обществе исходя из двойственной природы человека ставит под сомнение сам принцип всеобъемлющего и безраздельного индивидуализма, до сих пор господствующего в общественных науках. **Ошибочность методологического индивидуализма состоит в том, что во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая, сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается вторая ее сторона – присущий человеку коллективизм, то есть желание и умение жить в социуме.** Реально имеет место сочетание этих двух начал на всех уровнях (в каждом человеке, в любом социуме, в государстве и обществе в целом), и задача науки состоит в исследовании разных вариантов такого сочетания в тех или иных конкретных условиях.

Названием более адекватного реальности методологического подхода мог бы стать «методологический дуализм» как антипод одностороннему индивидуализму и как отражение двойственной природы человека.

Индивидуализм и коллективизм свойственны человеку во всех проявлениях его жизнедеятельности. Но в разных сферах может преобладать одно из этих двух сущностных свойств. В рыночных отношениях на передний план выходит индивидуалистская сущность человека как производителя, торговца, покупателя и потребителя. При организации же общественной жизни во всех ее проявлениях первичным становится коллективизм.

Методологический дуализм позволяет более продуктивно исследовать современную экономическую реальность, в которой с наибольшей наглядностью проявляется двойственность человеческой сущности и которая лежит в основе формирования нынешнего смешанного общества. Общественные интересы заставляют вмешиваться в изначально стихийные

¹ Подробнее см.: Князев Ю. Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму // Мир перемен. 2011. № 2.

рыночные отношения. Делает это государство на пользу всему обществу и конкретным людям, страдающим от естественного монополизма и других неурядиц на рынке вплоть до возникающих периодически кризисов.

Разумеется, этот тезис нельзя абсолютизировать, поскольку имеет место и практика, когда государство становится инструментом социальных групп, противопоставляющих свои интересы интересам общества.

В целом методологический дуализм вполне обоснован и плодотворен, причем не только для экономических, но и других общественных наук, изучающих человеческие отношения в разных сферах жизни социума. Там также проявляется двойственная природа человека, без учета которой нельзя до конца понять ни мотиваций отдельной личности в разных обстоятельствах, ни природу и особенности любых общественных институтов.

Коллективистское начало в жизни общества. Переходя от человеческой личности с ее противоречивой сущностью к характеристике общества, мы и в нем находим ту же двойственность, которая постоянно проявляется в ходе его жизнедеятельности. Не умаляя значения эгоистических проявлений в жизни общества, хотелось бы подчеркнуть, что экзистенциальные интересы общества, состоящие в стремлении к выживанию и развитию, выдвигают на передний план вопросы его правильной организации и нормального функционирования. А это придает изначальный приоритет общественным ценностям над сугубо индивидуальными. Социум вынужден преодолевать эгоистические проявления своих членов, чтобы они не приводили к разрушению существующего общественного порядка. Поэтому правила общежития, необходимые для обеспечения неконфликтного сосуществования разных по своим характерам и устремлениям людей, обязательно содержат запреты девиантного поведения отдельных асоциальных личностей.

Однако неизбежной работой, связанной с элементарным самосохранением, функции общества не исчерпываются. Исторический опыт показывает, что развитие идет не самотеком, а под воздействием принимаемых самим обществом решений. В экономической сфере рынок с его объективными законами не решает всех проблем развития, а его краткосрочная логика не способна предвидеть, а тем более предотвращать застои и тупики, возникающие в эволюционном процессе. Осознание этого ставит под вопрос абсолютную правильность теории рациональных ожиданий рыночных субъектов, которая видит в стихийном рынке самодостаточный механизм экономического развития и подвергает сомнению необходимость любого сознательного вмешательства в его функционирование.

Сама практика творческой деятельности общественных сил, которая реально присутствует наряду с самостоятельной активностью участников рынка, опровергает утверждения о ненужности такой деятельности и исчерпывающей плодотворности стихийных процессов. Теория

познания, как известно, не ограничивает человеческий разум способностью лишь отражать внешний мир, а предполагает создание его цельного образа и проникновение в его внутреннее содержание. При этом дело не ограничивается только познанием, следом за ним люди предпринимают действия, используя полученную информацию для решения своих жизненных проблем. Это происходит и в масштабе всего общества, которое также вынуждено решать свои проблемы. И оно не ограничивается текущими делами, а склонно предвидеть будущее и принимать с учетом этого необходимые меры. Именно такое понимание лежит в основе экономического конструктивизма, который в противовес рыночной стихийности постулирует возможность сознательного конструирования (проектирования) обществом желаемой экономической реальности. Это касается как научных знаний, техники и технологий, организации производства, так и социальной сферы.

Даже в изначально стихийных процессах, проходящих без какого-либо воздействия со стороны, появляются со временем элементы саморегулирования, делающие их менее разрушительными и более приемлемыми для сознательных участников. Мальтузианская теория о борьбе чрезмерно размножающихся людей за ограниченные продукты питания и теория Ч. Дарвина о естественном отборе в животном мире исходят из полной стихийности этих процессов, представляющих собой неограниченную борьбу всех против всех, в которой побеждают сильнейшие. Но эти законы дикой природы перестают беспрепятственно действовать в условиях рыночной конкуренции, не предполагающей завершения конкурентной борьбы как таковой. Конкурентная среда должна сохраняться всегда, и поэтому на рынке действуют определенные правила честной торговли, придуманные самими людьми ради собственного самосохранения.

Точно такими же рукотворными являются и правила функционирования мирового хозяйства с той лишь разницей, что они придуманы более конкурентоспособными игроками для защиты в основном своих интересов (более развитыми государствами, крупными корпорациями, международными организациями, в которых они преобладают). Здесь стихийность играет гораздо меньшую роль, чем на замкнутом внутреннем рынке. На современном этапе мирового развития все большее значение приобретают глобальные проекты развития, преследующие «цели экономической экспансии его инициатора либо ослабления его геополитических конкурентов за счет создания новых институтов, технологий и схем ведения бизнеса, тиражирование которых в мировом хозяйстве приносит наибольшую выгоду инициатору проекта»¹.

Если исходить из того факта, что активную роль в экономике играют не существующие институты, в том числе объективный механизм рынка,

¹ Шимов В., Быков А. Экономический конструктивизм и его роль в системе «ядро–периферия» // Экономист. 2016. № 10. С. 70.

а сознательная деятельность живых субъектов, принимающих решения и обладающих волей для их реализации, то наука должна уделять должное внимание именно этой, творческой стороне жизнедеятельности людей. При этом важно не только изучать мотивацию субъектов, их разные предпочтения, зависящие от психологических и иных особенностей личности, но и обусловленность их поведения пониманием объективного хода событий, с которым они вынуждены соотносить свои субъективные действия. В принципе принятие решений – это свободный выбор разумных существ, но успешность их действий, соответствие результата намеченным целям определяется степенью правильности учета объективных и субъективных факторов, влияющих на конечный результат. И здесь имеет значение диалектическое сочетание, сложное взаимодействие этих факторов, как и определенное соотношение в человеке индивидуалистских и коллективистских наклонностей, о чем шла речь выше.

Необходимо иметь в виду, что и в общественных структурах проявляются все особенности личности, в том числе и эгоистические черты, но они неизбежно корректируются под воздействием общих интересов, заставляющих людей объединяться в социумы. Хотя отдельные личности и могут проявлять свои антиобщественные наклонности, им сложнее это делать во враждебной для себя среде, настроенной на защиту общественных и подавление эгоистичных и девиантных побуждений.

Нельзя при объяснении функционирования рыночной экономики исходить из постулата о самодостаточности рынка как автоматического регулятора воспроизводственного процесса. Автоматизм заключается в том, что все участники рынка в ходе конкуренции друг с другом стремятся к личной выгоде, которая в итоге оборачивается выгодой для всей экономики при сохранении ее равновесного состояния. *На самом же деле рынок сам по себе не может поддерживать идеальную конкурентную среду.* Напротив, конкурентность постоянно нарушается, так как появляются более сильные и удачливые игроки, начинающие навязывать свою волю проигравшим и добивающиеся устранения ненужных конкурентов. Монополизация рынка – естественный итог любой свободной конкуренции, и это опровергает миф о благотворной саморегуляции рынка. *Только с помощью антитрестовского законодательства и других антимонопольных мер государству как внешней по отношению к рынку силе удастся поддерживать, и то далеко не всегда, приемлемую конкурентную среду.*

Хорошо известны и другие провалы рынка (market failures), которые приводят к его деформациям и требуют вмешательства общественных сил с целью их устранения или предупреждения. К ним относится краткосрочность рыночных критериев эффективности принятия решений, ориентация рыночных субъектов на сиюминутный успех, стремление опередить конкурентов без учета возможных негативных последствий всеобщей гонки за получение максимальной прибыли. Все это приводит

к периодическим кризисам перепроизводства, сопровождающимся разрушением производительных сил, безработицей и падением уровня жизни населения. Неустраняемыми являются и такие социальные беды, как чрезмерные различия в доходах и имущественное неравенство разных слоев населения, бедность и нищета, характерные не только для менее развитых, но и для вполне благополучных стран.

Государство рассматривается многими экономистами в качестве действенного средства устранения появляющихся в рыночной экономике недостатков. Но государство само не свободно от недостатков, называемых по аналогии «провалами государства», которые многие авторы считают даже более опасными, чем провалы рынка.

Однако эти два вида провалов нельзя считать однопорядковыми явлениями. Провалы рынка носят объективный характер, как и сам рынок. Провалы государства – это субъективные действия государственных органов, преследующие чаще всего благие цели, но нередко приводящие по разным причинам к отрицательным результатам.

«Провальными» могут оказаться любые государственные мероприятия, которые были либо плохо подготовленными, либо несвоевременными, либо просто ошибочными по причине некомпетентности чиновников или неверной оценки ими ожидаемых последствий. Действия государства по определению субъективны, и любые из них могут быть неэффективными и даже вредными. Именно по этой причине важно, чтобы экономическая теория уделяла должное внимание критическому анализу деятельности государства, по крайней мере не меньшее, чем это делается в отношении остальных субъектов экономической жизни.

Тезис о недопустимости государственного вмешательства в экономику и об определяющей роли механизмов саморегулирования вступает в противоречие с реалиями. В большинстве передовых стран постепенно приживаются идеи социально-регулируемой рыночной экономики, строительства государства всеобщего благосостояния и другие доктрины сознательного воздействия на естественный ход экономического и социального развития. На смену невмешательству и в лучшем случае вынужденному посткризисному реагированию *приходит осознание необходимости предупреждающего целеполагания*, противоциклической стратегии и индикативного планирования, способного обеспечивать достижение основных общественных целей. Многим странам удается выстроить лишенные внутренних неразрешимых противоречий экономические модели и проводить приемлемую для народа социальную политику. Они сумели найти действенную систему, сочетающую учет требований объективных рыночных закономерностей и субъективное целеполагание, определяемое осознанными интересами общества¹.

¹ Подробнее см.: Князев Ю.К. Современная экономика – синтез рынка и социального регулирования / М.: Инфра. М. 2014.

Страны с длительными циклами успешного эволюционного развития, как правило, не нуждаются в резкой смене утвердившегося курса и довольствуются мягкими его корректировками. Вмешательство в естественный ход вещей может быть минимальным, но оно периодически происходит по мере наступления острой надобности. В ином положении находятся страны, отстающие в своем развитии и не желающие мириться со своим подчиненным положением. После распада мировой системы колониализма и обретения государственной независимости многие отсталые страны попытались волевым способом изменить свою судьбу, провести индустриализацию и избавиться от односторонней сырьевой зависимости. В этих целях они проводили соответствующую экономическую политику и использовали заимствованные у социалистических стран элементы народнохозяйственного планирования. Некоторым из них удалось добиться определенных положительных результатов и повысить свой статус до среднемирового уровня. Однако такой опыт довольно ограничен, и в конечном счете его позитивный потенциал быстро исчерпывался.

Успешнее был опыт быстрого индустриального развития некоторых азиатских стран (Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и др.), использовавших механизмы капиталистического хозяйствования, а также такие возможности подъема, как сравнительную дешевизну местной рабочей силы для привлечения иностранных инвестиций, экспортную экспансию. Этот опыт повторил также Китай, превратившийся в гигантскую мировую мастерскую для производства потребительских товаров.

При этом чаще всего централизованные решения не нарушают, а учитывают рыночные тенденции и критерии, но нередко случаи, когда они напрямую игнорируют их ради достижения осознанных долгосрочных целей. Это не означает отказ от рыночных критериев как таковых, просто прагматическое или научное предвидение заставляет отдавать приоритет не очевидным краткосрочным выгодам, а более скрытым долгосрочным преимуществам, которые могут быть получены через определенный период времени.

Применение общего подхода к российской специфике. Вопрос о соотношении объективных и субъективных факторов в экономическом развитии имеет первоочередное значение для России. При переходе от социалистической системы хозяйствования к капиталистической был допущен явный перекося в сторону полного отказа от сознательного народнохозяйственного управления и планирования в пользу стихийного рыночного саморегулирования. Считалось, что после приватизации государственной собственности и предоставления новым частным собственникам полной свободы действий на рынке экономика начнет успешно развиваться в соответствии с законами рыночной конкуренции. Однако этого не произошло по той причине, что идеальные представления реформаторов о рыночной экономике не соответствовали реальной действительности того времени.

Современный капитализм не только сильно глобализирован, но и давно перестал быть стихийным, управляемым только рынком. Его экономика представляет собой *синтез* рынка и социального регулирования. Государственное регулирование является социальным не только потому, что оно направлено на оказание помощи уязвимым слоям населения, но главным образом потому, что ход экономического развития направляется при эффективной политике государства в *интересах общества в целом*.

Россия должна быстрее вернуться на путь догоняющего развития, целенаправленно обеспечивая ускоренные темпы экономического роста на новой качественной основе. Но при этом предстоит решить вопрос об использовании принципа открытости российской экономики. Все чаще встречаются утверждения о том, что эта открытость чрезмерна. Считается, что в условиях такой открытости любые попытки наладить современное высокотехнологичное производство обречены на неудачу, так как страна не имеет возможности конкурировать с мощными транснациональными корпорациями. Для возрождения экономики страны ее нужно защищать от иностранных конкурентов. Разумеется, что это не означает самоизоляции страны, которая может лишь усугубить ее отставание, но поддержка отечественного производства целесообразна при условии, что она в конечном счете будет способствовать повышению его конкурентоспособности.

К тому же наша страна является самым крупным по территории государством в мире, обладающим массовым внутренним рынком с полутора сотней миллионов потребителей. Поэтому ее производство вполне может ориентироваться в первую очередь на внутренний сбыт отечественной продукции, а не на модель развития преимущественно экспортного производства, с успехом опробованную восточноазиатскими странами. У России есть все основания для расширенного воспроизводства с опорой прежде всего на внутренний рынок и внутренние источники развития. Это предполагает в первую очередь преодоление преимущественно сырьевой структуры экономики и ускоренное развитие обрабатывающих производств. Переход от экспортно-сырьевой к индустриально-инновационной экономике является насущной задачей, решить которую невозможно без мощной государственной поддержки, и в то же время необходимо использование методов рыночного стимулирования.

Дискуссии по поводу дальнейших путей социально-экономического развития России выявили два принципиально разных подхода. Один исходит из необходимости опираться прежде всего на закономерности рыночной экономики и соответственно на рыночные процессы, способные обеспечить постепенную модернизацию экономики. На начальном этапе такой эволюции предстоит смириться с сохранением вялой динамики экономики с темпами около нуля и с перспективой достижения более высоких темпов в течение 20–30 лет.

Другой подход исходит из того, что страна реально располагает возможностями для быстрого перехода к динамичному росту. Это предполагает сознательное целеполагание, ориентацию на мобилизацию внутренних источников роста.

При этом нельзя рассчитывать только на совершенствование рыночной инфраструктуры, на создание благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата, на развитие малого бизнеса. Россия уже добилась определенных успехов в этом деле, например, поднялась в рейтинге *doing business* на сотню пунктов. Для бизнеса же главное не это. Ему нужно понять, каким конкретно производством заниматься, откуда брать финансирование, каковы будут условия кредитования, кому сбывать свою продукцию, как обеспечить прибыльное хозяйствование при ограниченном потребительском спросе. Все эти вопросы гораздо легче решаются, если государство дает нужные ориентиры и создает необходимые условия. То есть на первый план выходит разработка стратегии экономического подъема. Но руководствоваться необходимо не беспочвенными пожеланиями, а прагматичным подходом и проверенными выводами из конкретного исторического опыта.

Нам нужна такая стратегия социально-экономического развития, которая, учитывая многовариантные прогнозы, обязательно предусматривала бы конечные цели и средства их достижения. Однако даже самая правильная стратегия не может реализоваться сама собой. Нужен механизм обязательного выполнения поставленных задач.

В наших рыночных условиях с преобладанием частной собственности невозможно прежнее директивное планирование. Нужны другие методы управления, учитывающие самостоятельность рыночных субъектов. Таким управлением является государственное регулирование на основе национальных проектов и целевых программ. Их реализация возможна чаще всего лишь с привлечением заинтересованного частного капитала в форме государственно-частного партнерства. Такое партнерство должно быть ориентировано на выполнение плановых задач. Оно должно включать доленое финансирование частными и государственными инвесторами совместных проектов с широким использованием льготного кредитования, госзаказов, государственных закупок, взаимобязывающих коммерческих контрактов об освоении, выпуске и сбыте новой продукции и выполнении строительно-монтажных работ. Привлечение к выполнению общегосударственных задач частного бизнеса даст ему то, чего сейчас больше всего не хватает – реальные ориентиры для развития, а также государственные гарантии сбыта новой продукции и должной прибыльности инвестиционных вложений.

Для возобновления экономического роста России нужны *новые драйверы*, которыми могли бы стать восстановление и модернизация машиностроения и его сердцевины – станкостроения и приборостроения, а также

глубокая переработка на этой основе нефти, газа, дерева, металлов, сельскохозяйственной продукции и другого сырья. Упор на восстановление станкостроения и других ведущих отраслей современной промышленности необходим прежде всего из соображений безопасности страны. Успешно работающие производства оборонно-промышленного комплекса оснащены преимущественно импортными станками. В случае попадания под санкции продукции станкостроения как имеющей двойное (в том числе военное) назначение, эти отрасли нашей промышленности могут остаться без необходимого оборудования. Поскольку в снабжении отечественными станками прямо заинтересована наша оборонная промышленность, то именно ей целесообразно осваивать их выпуск в процессе предстоящей конверсии на мирный лад.

Воссоздание отраслей, производящих средства производства, должно стать главным направлением политики неоиндустриализации. Для сбыта станков и другой высокотехнологичной продукции имеется обширный внутренний рынок, дополняемый сотрудничающими с нами странами. По мере успешного освоения такой продукции откроются возможности выхода и на более требовательный мировой рынок.

Следует исходить из того, что Россия обладает всеми объективными условиями для успешного развития либо может эти условия создать в достаточно короткие сроки. Но необходимо выработать политику конкретных практических действий и мобилизовать политическую волю для ее выполнения.